

УДК 43-2+830(092)

*И. А. Везнер**(Новосибирский государственный педагогический университет)*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ СЛОВОФОРМ-ОБРАЩЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается этнокультурная специфика русских словоформ-обращений в переводческом аспекте.

Ключевые слова: этнокультурная специфика, словоформа-обращение, английский язык, модальность, перевод.

The paper discusses ethnocultural aspects of semantics of Russian addressing word-forms and presents comparative analysis of their English correlations.

В свете новой парадигмы знания о языке, связанной с когнитивной деятельностью человека, нам представляется актуальным рассмотрение вопроса о проблемах передачи в переводе языковых единиц, реализующих семантику, которая обусловлена этноспецифичностью «языковленных» когнитивных процессов» (Е.С.Кубрякова).

Известно, что свойство знаков отражать внеязыковую действительность, носит универсальный характер. С другой стороны, с их помощью отражаются факты, явления, свойства и др., отбор и способ представления которых в языках является этноспецифичным.

Этноспецифичность семантического представления плана содержания лексических единиц (языковая концептуализация) – в различных культурах различна.

Для того, чтобы этноспецифичность семантики осмысливалась как концептологически значимая (а не случайное её проявление), в первую очередь в ней должны отражаться культурно значимая стереотипизация моделей мировосприятия и поведенческих реакций.

Культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфической «внутренней формой» – признаком, положенным в основу номинации, в реализации которого наблюдается серийность, массовидность, В.И. Карасик

называет лингвоконцептами в широком «формальном» понимании.

В узком «формальном» понимании лингвоконцепты – это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки [цит. по: 5, с. 21, 27].

Наблюдения показывают, что «массовость и серийность», подтверждающие концептологически значимую этноспецифичность, можно наблюдать и в реализации русских словоформ-обращений с эмоционально-оценочной суффиксацией.

Категория эмоциональной оценки, как одна из универсальных категорий, имеет феноменально сложную и разнообразную систему репрезентации, проявляющуюся на всех языковых уровнях.

Являясь универсальной в общесмысловом понимании, тем не менее, она специфична в системно-языковой и контекстно-речевой репрезентации в русском и английском языках.

Эта специфика, с одной стороны, связана с асимметрией концептуальных систем, с другой, с особенностями организации того или иного типа дискурса.

В диалогическом дискурсе русскоязычных художественных произведений использование словоформ-обращений является достаточно частотным средством выражения эмоциональной оценки.

Примерами таких употреблений являются словоформы-обращения к пожилым людям, представителям женского и мужского пола, детям.

В русском языке слова, называющие людей пожилого возраста, образуют целые эмоционально-оценочные парадигмы: Ср.: *баба – бабка – бабушка – бабуся – бабуля(ечка); старуха – старушка – старушениця; дед – дедушка – дедуся – дедуля(ечка) – дедок;*

старик – старичок.

В английском языке эмоционально-оценочная суффиксация как способ словообразования не является продуктивным, поэтому при переводе данных словоформ возникают проблемы, неточности, приводящие к утрате важных компонентов смысла.

Приведем примеры употребления данных словоформ и обратимся к анализу их перевода:

(1) – *Эй, кто здесь есть? – крикнул он. – Старушка божья, пусти-ка погреться!*

– *Пусти, бабушка, погреться, – сказал фельдшер. – Ехал в больницу и с дороги сбился. Погода, не приведи бог. Ты не бойся, мы люди свои, бабушка.*

– *Свои все дома, а чужих мы не звали, сурово проговорила фигура. – И что стучать зря? Ворота не заперты.*

Фельдшер въехал во двор и остановился у крыльца.

– *Вели-ка, бабка, работнику, чтоб лошадь мою убрал, – сказал он.*

– *Я не бабка.*

И в самом деле, это была не бабка. Когда она тушила фонарь, лицо ее осветилось и фельдшер увидел черные брови и узнал Любку. (Чехов, рассказ Воры)

“Hey! who is within?” he cried. “Hey, granny! let me come in and get warm!”

“Let me in to get warm, granny,” said Yergunov. “I was driving to the hospital, and I have lost my way. It’s such weather, God preserve us. Don’t be afraid; we are your own people, granny.”

“All my own people are at home, and we didn’t invite strangers,” said the figure grimly. “And what are you knocking for? The gate is not locked.”

Yergunov drove into the yard and stopped at the steps.

“Bid your labourertake my horse out, granny,” said he.

“I am not granny.”

And indeed she was not a granny. While she was putting out the lantern the light fell on her face, and Yergunov saw black eyebrows, and recognized Lyubka. (перевод Т. Seltzer)

Как видно из примера (1) русские словоформы *старушка, бабка, бабушка* переводятся на английский язык одним вариантом *granny*, хотя все русские слова имеют различные оттенки значения. Ср. *старушка – уменьшительно-ласкательное к старуха (женщина, достигшая старости); бабка – (просторечное) то же, что бабушка; бабушка – 1. Мать отца или матери. 2. (разговорное) Вообще о старой женщине.*

Английское существительное *granny* (Ср.: *granny – (informal) grandmother (the mother of one’s father or mother)*)

используется только при обращении к родной бабушке, а в данном примере фельдшер обращается к незнакомой пожилой женщине.

В примерах (2) – (3) героями и автором повествования также используются различные эмоционально-оценочные словоформы, но вместе с тем, в переводе значимые компоненты их значения утрачены. (Ср.: *Бабонька – разговорное ласкательное к существительному баба. Баба – в крестьянском быту – замужняя крестьянка, – замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет или вдова).*

<p>(2) – Эй, баба, баба! – закричал Иван Иванович, кивая пальцем. Старуха подошла к забору. – Что это у тебя, бабуся, такое? – Видите сами, ружье. (Н.В. Гоголь, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем)</p>	<p>Hello, there, woman, woman!” shouted Ivan Ivanovitch, beckoning to her. The old woman approached the fence. “What’s that you have there, my good woman?” (перевод Т. Seltzer)</p>
<p>(3) – А ишо, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах. – Ну-у?... – ахали бабы испуганно и дружно. (М. Шолохов. Тихий Дон).</p>	<p>And what’s more, girls, she wears..., Prokofy’s trousers!’ ‘No!’ the women drew in their breath together. (перевод Т. Seltzer)</p>

Обратимся к примеру (4), в котором имеет место употребление существительного *старуха* в значении «старый возраст женщины и ее некрасивая внешность». В переводе на английский язык используется словосочетание *an old woman*, которое не передает компонента значения некрасивая внешность, хотя в устах героя это слово повторяется с целью выразить свое

удивление выбором Чичикова.

Поскольку в диалоге этих героев речь идет о третьем человеке в его отсутствии, на первый план выходит оценочный компонент, который, на наш взгляд, мог быть компенсирован в переводе за счет введения оценочного эпитета (например, *ugly*), как одно из возможных переводческих решений.

<p>(4) «Да что Коробочка? разве молода и хороша собою?» «Ничуть, старуха. «Ах, прелести! Так он за старуху принял. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться» (Н.В. Гоголь, Мёртвые души)</p>	<p>“Well, what of Madame Korobotchka? Is she a young woman or good looking?” “Oh dear no! Quite an old woman.” “Splendid indeed! So he is actually engaged to a person like that? One may heartily commend the taste of our ladies for having fallen in love with him!”. (перевод Т. Seltzer)</p>
---	--

Если в примерах (1) – (3) словоформы имеют компонент значения «пожилой возраст», то в примерах (5-6) в словоформах старички и тётенька реализуется прагматический компонент значения (Ср.: **Старичок** – уменьшительно-ласкательное к «старик», дружеское обращение к приятелю (разговорное). *Dodderer* – a person, who trembles or totters, typically because of old age; немощный, дряхлый человек (от старости, вследствие болезни); **Тетенька** – ласково-фамильярное об-

ращение к пожилой или старшей по возрасту женщине. **Auntie** – informal term for aunt, – the sister of one’s father or mother or the wife of one’s uncle). (Oxford Dictionary)

Как видно, в примере (5), переводное соответствие акцентирует немощность и дряхлый возраст человека, а не является дружеским обращением, а в примере (6) – вместо ласково-фамильярного обращения к незнакомой женщине используется английское слово, обозначающее сестру матери, т.е. родственницу.

<p>(5) – Давай, давай, подноси, старички, а то у меня через вас вся работа стоит! (К. Симонов, «Живые и мертвые»)</p>	<p>“Come on, come on, let’s have more of those, you old dodderers or you’ll hold everything up!” (перевод Т. Seltzer)</p>
<p>(6) – Тетенька, это ваша кошка? – спросил он у Оленьки. (А. П. Чехов, «Душечка»)</p>	<p>– “Is that your cat, auntie?” he asked Olenka (перевод Т. Seltzer)</p>

Наличие эмоционально-оценочных коннотаций в семантике анализируемых словоформ свидетельствует о том, что они отражают не непосредственную связь с внеязыковой действительностью, а концептуализацию мира говорящими, их/авторское отношение к происходящему и к участникам коммуникации, и, поэтому, имеют аксиологическую маркированность. Именно этот факт и делает данные единицы непереводаемыми.

Кроме того, во всех анализируемых контекстах эмоционально-оценочные словоформы придают тексту дополнительную семантическую глубину и взаимодействуют с текстовыми категориями, в частности с категорией модальности.

Любое слово, выражающее некоторую оценку, должно быть признано индикатором субъективной модальности. Модальность определяется тем, как человек относится к собеседнику или к сказанному [6, с. 41].

Наличие различных отношений между единицами текста, может обеспечивать формирование нового семантического пространства, в котором лексические единицы реализуют новую нетипичную для себя семантику, демонстрирующую отличия от узуальной, оставаясь при этом в пределах семантической нормы [7, с. 74-75].

Следует отметить, что в художественном тексте взаимодействие лексических единиц с текстовыми категориями и их отношения между собой носят уникальный характер, поскольку обусловлены воплощением авторской картины мира, поэтому при их передаче на английский язык необходимо прибегать к способам адекватной перекодировки формообразующих морфем, экспликациям и компенсациям [2, с. 26-28; 3, с. 26, 28].

Межкультурное коммуникативное взаимодействие и овладение способами культурного декодирования поведения людей, выступающих носителями социокультурных ценностей, сегодня являются важными компонентами содержания иноязычного образования [1, с 2-5].

Культурно-сопоставительный анализ, может и должен использоваться в качестве приёма формирования иноязычной социокультурной компетенции будущих переводчиков [4, с. 275].

Эмоционально-оценочные словоформы в художественном тексте должны исследоваться с нескольких точек зрения: образ автора, тема произведения, образ героя и целью предпереводческого анализа должно являться выявление совокупности их функций в идиостиле писателя в целом, что позволит найти оптимальные способы перекодировки их формообразующих морфем.

Список литературы

1. *Антропова Р. М.* Повышение мотивации изучения иностранного языка на неязыковых факультетах // Современные направления психолого-педагогического сопровождения: материалы научно-практического семинара (г. Новосибирск, 17–18 апреля 2015 г.) / под ред. Г. С. Чесноковой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С.16–19.
2. *Везнер И. А.* Адекватность и эквивалентность при переводе образных средств с английского языка на русский // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы международной научно-практической интернет-конф. (20 октября – 20 ноября 2006 г.). – Новосибирск: Новониколаевский, 2006. – С. 24–28.
3. *Везнер И. А.* Перевод образной лексики: когнитивно-дискурсивный подход: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 88 с.
4. *Везнер С. И.* Лингвопантомима как объект исследования // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сборник статей международной научно-практической конференции. 22–23 апреля 2015 г. – Новосибирск: Новосибирский го-

сударственный технический университет, 2015. – С. 273–276.

5. *Воркачев С. Г.* Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // *Филологические науки.* – 2005. – № 4. – С. 76–83.

6. *Зензоров В. Н.* Способы передачи модальности в английском языке // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Международной научно-практической интернет-конференции (г. Новосибирск, 1–29 февраля 2016 г.).* – Вып. 10 / под ред. Е. А.

Костиной. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 65–72.

7. *Кретьова Л. Н.* Специфика перевода пространственно-временной семантики поэтических текстов (на примере лирики Н. Гумилева) // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Международной научно-практической интернет-конференции (г. Новосибирск, 1–29 февраля 2016 г.).* – Вып. 10 / под ред. Е. А. Костиной. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 72–80.